

11 ноября Карл с передовыми полками подошел к Батурину. Руины города еще дымились, и в воздухе стоял смрад от полуобгорелых трупов. Следуя совету потрясенного этим зрелищем Мазепы, шведы продолжили путь на юг, к Ромнам — в раскинувшийся между Киевом и Харьковом край, богатый щедрыми нивами и сочными пастбищами, на которых паслись тучные стада. В преддверии зимы урожай табака и зерна уже собрали в амбары, коровы и овцы вернулись с летних выпасов, и всего было в достатке — хлеба, пива, меда, сена и овса. Наконец-то люди и кони смогут есть и пить вволю. Довольные шведы расположились на территории между Ромнами, Гадячем, Лохвицей и Прилуками, рассредоточив полки поротно и повзводно и занимая под построй всякое пригодное жилье. Здесь, в украинской глуши, «чуть ли не на краю света», отрезанные от Швеции и от Европы, они все же надеялись, что нашли наконец безопасное пристанище.

В то же самое время, параллельно шведам, но на несколько миль восточнее, Петр и Шереметев с основными русскими силами тоже двигались к югу, стараясь заслонить от шведов лежавшую более чем в 400 милях к северо-востоку Москву. Стоило шведам устроиться на зимние квартиры, как Петр и сам встал на построй в

280

местечке Лебедин, перекрыв Курско-Орловскую дорогу к Москве. Чтобы шведам не удалось прорваться ни на восток к Харькову, ни на запад к Киеву, царь разместил гарнизоны во многих городах и селах к востоку, югу и западу от мест расположения королевской армии. Одним из этих городов была Полтава.

Стычки между шведами и русскими не прекращались, но, казалось, противники поменялись ролями. Всегда предпочитавший наступательные зимние кампании Карл ныне занял глухую оборону, тогда как русские разъезды беспрестанно тревожили растянутые позиции шведов. Петр не хотел давать генерального сражения, но стремился к тому, чтобы не знаящая ни минуты покоя, непрестанно терявшая людей — без надежды на пополнение — шведская армия к весне оказалась истощенной, павшей духом и деморализованной. Он знал, что время на его стороне.

Таким образом, инициатива перешла к царю, и тактика его сводилась к тому, чтобы на всю зиму лишить неприятеля сна и отдыха. Морозы в том году ударили необычно рано, реки покрылись льдом, и ничто не препятствовало набегам русской конницы. В этих условиях шведам стало куда труднее оберегать свои лагеря, к тому же русские постоянно устраивали ложные вылазки и отвлекающие маневры: скажем, крупные силы русских собирались поблизости от шведского лагеря, чтобы выманить короля, а стоило Карлу подняться и вывести им навстречу свои полки, тут же отступали. Так случилось 24 ноября у Смелого, когда войска Карла, полностью изготавившись к бою, обнаружили, что русских и след простыл. Карл пришел в ярость и позволил своим солдатам сорвать досаду на городке; после методичного грабежа, когда на долю каждого полка был выделен отдельный участок, городок сожгли дотла.

Русские упорно наседали, раздражение Карла росло, и, мечтая о генеральном сражении, которое могло бы одним ударом покончить с изнурительным противосто-

281

янием, король угодил в западню, устроенную Петром. 7 декабря Петр двинул значительные силы на юго-восток, выказывая явное намерение напасть на Гадяч, где примерно в тридцати пяти милях к востоку от Ромен, были расквартированы три шведских полка и часть казаков Мазепы. В то же время к самим Ромнам был послан Галларт, чтобы занять их, как только шведская армия выступит на помощь Гадячу. Замысел состоял в том, чтобы выманить шведов из обжитых квартир в морозную пустошь и прибрать Ромны к рукам.

Прослышав о скоплении русских войск на подступе к Гадячу, Карл не смог сдержать свой

воинственный пыл. Генералы тщетно просили его остаться в Ромнах и предоставить гарнизону Гадяча самому отбиваться от русских. Не слушая советов, невзирая на трескучий мороз, 19 декабря король приказал армии выступать и с передовым отрядом гвардейцев устремился вперед в надежде застать неприятеля врасплох, как это было под Нарвой. Узнав, что армия Карла выступила в поход, Петр приказал своим войскам оставаться под Гадячем до подхода шведов, а с их приближением отступить. В полном соответствии с замыслом, как только шведский авангард приблизился, русские силы растаяли, отступив в Лебедин, где размещалась царская ставка. Между тем, едва только шведы ушли, Галлард, как и предвидел Петр, без всяких затруднений занял Ромны.

Теперь шведская армия была растянута по дороге между Гадячем и Ромнами, где ее подстерегал более грозный враг, чем русские солдаты. В 1709 году во всей Европе выдалась такая суровая зима, какой и припомнить не могли. В лесах Швеции и Норвегии замерзли насмерть лоси и олени, все Балтийское море стояло покрытое льдом, и тяжело груженные подводы переправлялись из Дании в Швецию прямо по льду через пролив. В Венеции замерзли каналы, в Португалии — устье Тахо, и даже Рона покрылась льдом. В Париже по замерзшей Сене можно было ездить верхом и в экипа-

282

жах. Ледовый панцирь сковал заливы и фьорды атлантического побережья. Кролики замерзли в норах, белки и птицы замертво падали с деревьев, скот коченел на полях. Вино в подвалах Версаля превращалось в лед. Придворные, позабыв о моде, кутались в тяжелые одежды и собирались вокруг очагов, где день и ночь пылали дрова, чтобы хоть немного отогреть выстуженные комнаты. «От холода люди мрут как мухи. Крылья ветряных мельниц замерзают в своих гнездах и нельзя размолоть зерно, и оттого многие умирают с голода», — писала невестка Людовика XIV. Но еще страшнее морозы были в пустынных, открытых всем ветрам просторах украинских степей. Сквозь этот ледяной ад оборванная, едва живая от холода шведская армия шла на выручку гарнизону, которому уже никто не угрожал.

Мало того, что усилия их были напрасны, так еще в Гадяче армию ждало жестокое испытание. Шведы изо всех сил стремились к Гадячу в надежде хотя бы к вечеру обрести кров и тепло. Но в город вели единственные узкие ворота, которые скоро оказались запруженными массой людей, коней и подвод. Многим шведам пришлось провести ночь, а то и две-три в открытом поле. На их долю выпали невероятные страдания. Порой часовые на постах замерзли насмерть, не говоря уже о том, что многие отморозили уши, носы или пальцы на руках и ногах. Сквозь узкие ворота в город нестерпимо медленно тянулась длинная вереница подвод и саней с обмороженными людьми, иные уже окоченели. «Стояла такая лютая стужа, что и описать невозможно. Около сотни солдат нашего полка отморозило себе срамные части или лишилось рук, ног и носов, а еще девяносто замерзли насмерть, — вспоминал молодой шведский офицер, участник этих событий. — Собственными глазами я видел кавалеристов и драгун, окоченевших в своих седлах, их нельзя было снять с коней, не отрезав пальцев, ибо застывшие руки мертвой хваткой сжимали поводья»².

283

Город Гадяч почти весь обратился в лазарет. Больные и обмороженные теснились на скамьях поближе к огню, лежали бок о бок на покрытом соломой полу. В воздухе стоял зловонный запах гангрены, а хирурги без устали делали свое дело. На полу вырастали груды отпиленных рук, ног и пальцев. Никакая битва не смогла бы причинить шведской армии такой страшный урон, какой понесла она, проведя несколько ночей под открытым небом. Более 3000 шведов умерли от холода, и мало кому удалось избежать обморожения. По неведению большинство не решалось, по примеру казаков, растирать снегом обмороженные части тела. Сам король отморозил щеки и нос, лицо его побелело, но, по совету Мазепы, он не мешкая растер лицо снегом и кровообращение восстановилось.

Холода достигли своего пика к Рождеству — главному празднику в шведском церковном календаре. Карл целыми днями разъезжал от полка к полку, инспектируя солдат, набившихся в хаты по двадцать-тридцать человек. Все церковные службы, не исключая рождественской, пришлось отменить, чтобы люди не выходили на холод. Довольствовались простыми молебнами, утром и вечером, которые в каждом доме проводил кто-то из расквартированных там солдат. Самые свирепые морозы ударили сразу после Рождества и держались два дня; на

третий день слегка потеплело, а к 30 декабря уже можно было снова выходить на улицу. Карл успокаивал себя тем, что русским, должно быть, приходится не легче. Но на деле, хотя стужа не щадила и русских, те были одеты теплее и понесли гораздо меньший урон.

Как ни странно, наступательный порыв короля, уже позволивший заманить шведов в Гадяч, не умерили ни выпавшие на долю армии бедствия, ни понесенные ею потери. «Пусть против нас ополчились Земля, Небо и Воздух, — писал молодой принц Макс Вюртембергский, — король не отступит от своих замыслов»³. Карл был раздосадован потерей захваченных Галлартом Ромен и

284

хотел перехватить инициативу. Всего в восьми милях от Гадяча, на вершине холма находилось укрепленное местечко Веприк. Король, не желая мириться с близостью русских укреплений, решил овладеть им. Но в Веприке стоял сильный гарнизон - 1100 русских и несколько сотен верных Петру казаков под общим командованием служившего царю английского офицера. Вступив в должность, этот деятельный комендант приказал втащить на гребень валов землю в корзинах и таким образом нарастить их сверху. Скаты валов были политы водой и на морозе превратились в ледяные горы. Ворота забаррикадировали телегами со смерзшимся навозом. И когда 7 января у стен Веприка появился Карл и потребовал немедленной сдачи, готовый к осаде англичанин ничуть не испугался. Напрасно король грозил повесить и его самого, и всех защитников крепости; комендант невозмутимо отклонил требование Карла и продолжал подготовку к отражению неприятеля. Он знал, что во главе наступающих колонн на штурм ледяных валов пойдут офицеры, и приказал своим стрелкам хорошенько целиться, в идущих впереди.

На Веприк Карл повел 3000 человек - шесть поредевших пехотных батальонов и два драгунских полка; операция представлялась несложной, а силы достаточными. Защитники будут сметены со стен артиллерийским огнем, а затем пехота тремя колоннами хлынет через валы и прорвется в местечко. Испытанные шведские солдаты решительно пошли на приступ. Под грохот орудий три атакующие колонны со штурмовыми лестницами приближались к валам. Но подвела артиллерия: пушек было слишком мало и огонь был слишком редок. Защитники сумели удержаться и обстреливали наступающие колонны, не давая приставить лестницы. Когда же шведам все-таки удалось поднести несколько лестниц к валам, выяснилось, что они чересчур короткие и соскальзывают с обледенелых скатов. Лучшие стрелки из русских солдат и казаков целились и стреляли, как им

285

было приказано, - в первую очередь, в офицеров. На головы нападавшим швыряли бревна, лили кипяток и даже горячую кашу.

Хотя у подножия обледенелых стен Веприка росла гряда тел, Карл не мог допустить, чтобы его армию остановила столь «жалкая крепостишка». Он возобновил атаку, и вновь она была отбита. Реншильда, находившегося в гуще боя, ранило в грудь осколком гранаты — от этой раны он не оправился до конца жизни. Когда стусившаяся тьма принудила шведов прекратить приступ, Веприк по-прежнему держался. К счастью для Карла, комендант не знал, какие тяжелые потери понесли шведы, и опасался, что осажденные не выдержат третьего приступа; с наступлением темноты он послал к шведам парламентаря, чтобы договориться о почетной капитуляции. Карл согласился, и гарнизон в 1500 человек с четырьмя пушками оставил крепость и сдался в плен. Но потери Карла были велики: всего за два часа короткого зимнего дня он потерял убитыми 400 человек и 800 было ранено — это составляло более трети участников штурма и серьезно подорвало силы и без того таявшей шведской армии.

Крепость была взята, но никаких существенных преимуществ достигнуть не удалось.

С середины января до середины февраля шведская армия вновь пребывала в движении. Карл двинулся на восток, переправляясь через замерзшие реки, пробираясь заснеженными тропами. Петра это не могло не тревожить: шведский авангард находился всего в ста милях от Харькова — главного города восточной Украины. Еще больше царь опасался, как бы Карл не пошел на Воронеж, к Дону. Воронежский флот и верфи стоили Петру огромных усилий, и, чтобы обезопасить их, он был готов пожертвовать многим, даже отважиться на генеральное сражение. Поэтому, как только шведы вознамерились

286

обогнуть южный фланг армии Шереметева, тот тоже начал сдвигать свои войска к югу, стараясь держаться параллельно курсу шведской армии, чтобы постоянно находиться между нею и верфями. Еще южнее, с многочисленной конницей и драгунами вклинился Меншиков, который перекрыл путь шведам со стороны Ворсклы и приготовился воспрепятствовать любой их попытке переправиться через реку.

Однако 29 января Карл нанес Меншикову удар. Князь как раз заканчивал обед в городище Опошня близ Ворсклы, когда поднялась тревога и неожиданно объявился Карл с пятью кавалерийскими полками. Такая атака, напоминая прошлогодний стремительный налет на гродненский мост, была по душе шведскому королю, который со шпагой в руке скакал во главе своих драбантов. Меншиков обратился в бегство, а семь его драгунских полков шведы выбили из городка и гнали до тех пор, пока не были вынуждены остановиться из-за глубокого снега. Вся операция стоила шведам двоих убитых, а потери русских составили 400 человек.

Во время этого наступления Карл воспользовался методом Петра, и шведская армия опустошала все на своем пути, чтобы затруднить действия неприятеля. К середине февраля Карл повернул на юго-восток, к Харькову, и 13 числа подошел к местечку Коломак на маленькой речушке с тем же названием. Это была самая восточная точка на русской земле, которой достигли шведы за время войны. Но тут в планы Карла снова вмешались силы природы, не дав ему развить наступление. На смену холодам пришла весенняя распутица. Ударил грозы, разразились ливни, обильный снег стал быстро таять, реки и ручьи разлились мутными потоками, в которых шведские солдаты утонули по колени, так что вода, заливаясь за голенища, хлюпала в сапогах. С трудом вытащив подводы и пушки, 19 февраля шведы вернулись в Опошню. В середине марта земля немного подсохла. Воспользовавшись моментом, шведы со всем

своим обозом и большинством примкнувших к ним казаков переместились еще южнее и стали лагерем между притоками Днепра Ворсклой и Пселом, растянувшись сорокамильной цепью в направлении север—юг. Неподалеку от южного фланга шведов находился город Полтава с сильным русским гарнизоном. Здесь, в еще не совсем разоренном войной краю, шведская армия пробыла остаток марта и весь апрель. Позади на севере осталась земля «молока и меда», ставшая землей разграбленных городов и сожженных селений.

Здесь Карл смог подвести итоги зимней кампании. Ситуация сложилась тревожная. Сказались морозы, болезни и потери, понесенные в боях; износились сапоги, протерлись, изорвались мундиры. Провизии хватало, но от всей шведской артиллерии осталось всего тридцать четыре пушки, а порох отсырел и испортился. «Кампания эта столь тяжела, а положение наше столь плачевно, — писал своей жене граф Пипер, — что великие бедствия, которые мы терпим, невозможно описать, и тем более трудно в них поверить». Позднее он вновь писал, что «армия пребывает в неопишимо жалком состоянии».

Однако Карл, казалось, не желал ничего замечать. И апреля он писал Станиславу Лешинскому: «И я, и вся армия чувствуем себя прекрасно. Неприятель бывал бит и обращен в бегство всякий раз, когда мы имели с ним дело». О неуклонном стремлении короля поддерживать в войсках уверенность, бодрость и высокий боевой дух свидетельствует его беседа с молодым раненым офицером, гвардейским прапорщиком Густавом Пипером. Пипер не позволил хирургу ампутировать ему обе ноги, но все же лишился нескольких пальцев и обеих пяток. Искалеченного юношу везли на обозной подводке, когда поблизости появился король.

Я увидел Его Величество короля Карла XII издалека; со свитой примерно в пятьдесят всадников он скакал вдоль вереницы подвод. Я лежал раздетый, в одной белой

288

нижней рубашке на артиллерийской фуре; наполовину откинутый тент укрывал меня от лучей палящего солнца, оставляя доступ свежему ветерку. Решив, что не пристало смотреть на короля в таком виде, я отвернулся и прикинулся спящим. Но Его Величество, продолжая ехать вдоль цепи подвод, наконец поравнялся и с моей и спросил, кто я такой. Полковник ответил: «Это несчастный гвардейский прапорщик Пипер, у него отморожены ноги». Тогда Его Величество подъехал ближе и спросил возницу. «Он спит?» Тот отвечал: «Не знаю. Только что не спал». Поскольку король задержался рядом с подводой, я подумал, что не подобает лежать к нему спиной, и повернулся. Он спросил меня: «Как ваши дела?» «Скверно, Ваше

Величество, я не могу встать на ноги», — ответил я. «Вы ведь не полностью лишились ног?» — спросил он. Я сказал, что мне ампутировали пятки и пальцы. «Пустяки, пустяки, — возразил король и, перекинув ногу через луку седла, сказал, указывая на середину подошвы: — Я встречал людей, которым отрезали стопу вот досюда, но, поднабив сапог [чтобы не оставалось пустого места], они ходили не хуже, чем прежде». Затем Его Величество обернулся к полковнику и спросил: «А что говорит хирург?» Полковник ответил: «Надеется, что ему удастся что-нибудь сделать с его ногами». «Может, еще будет бегать?» — спросил Его Величество и услышал в ответ: «Пусть благодарит Бога, если сможет ходить; о том, чтобы бегать, мечтать не приходится». Когда Ею Величество отъезжал, он сказал полковнику, который потом передал мне его слова: «Жаль беднягу, ведь он так молод!»

Самому Карлу в ту пору было двадцать шесть.

Незавидное состояние шведской армии и ее уязвимое положение посреди открытой степи заставило графа Пипера и некоторых офицеров Карла прийти к выводу

10 Петр Великий, т. 2

289

о необходимости немедленно покинуть Украину и отступить за Днепр в Польшу, чтобы получить подкрепление от Крассова и Станислава. Пополнив свои силы, король мог бы снова вторгнуться в Россию, хотя многие уже сомневались в том, что нескончаемое преследование неуловимого и опасного противника в конце концов приведет к тому блистательному триумфу, с мечтой о котором Карл не в силах был расстаться.

Отступать король отказался наотрез, говоря, что отступление слишком походило бы на бегство и лишь придало бы духу Петру. Недовольным советникам он твердо заявил, что не намерен покидать Украину и продолжит противоборство с царем. Но и он признавал, что в нынешнем состоянии поредевшая шведская армия, даже и с казаками Мазепы, слишком мала, чтобы без поддержки дойти до Москвы. Поэтому надлежит искать подкрепления, не уступая достигнутых позиций. Еще в декабре Карл послал Крассову приказ соединиться с польской королевской армией Станислава и идти из Польши к Киеву, а затем двигаться на восток и присоединиться к основным шведским силам. В дальнейшем он рассчитывал пополнить союзников среди украинских казаков. Мазепа уверял его, что многие из них не прочь будут примкнуть к шведам, как только убедятся, что король и его армия смогут защитить их от царского возмездия. И, наконец, у Карла была грандиозная идея; склонить к союзу крымских татар, а возможно и властвовавшую над ними Османскую Порту, чтобы те разорвали перемирие, заключенное с Россией в 1700 году и объединились с ним в могучую коалицию. И тогда никакая сила не помешала бы огромной союзной армии под общим командованием Карла, сплотившейся вокруг стального ядра закаленных шведских солдат, пройти с юга до самой Москвы. А уж когда король окажется в Кремле, всем союзникам — и шведам, и казакам, и туркам, и татарам — достанется своя доля добычи и никто не будет в обиде. Но, утверждал король, этот план

290

может осуществиться только при одном условии: если шведская армия, опора и вдохновительница предстоящего великого похода, останется на Украине.

По уверениям Мазепы, союзников можно было найти быстро и неподалеку — за днепровскими порогами на тринадцати островах укрепились своевольные запорожцы. Это братство речных разбойников не признавало никого, кроме своего кошевого атамана Константина Гордиенко. Среди казаков они слыли отчаянными рубаками и славно бились с татарами и турками, когда те посягали на их выпасы и ставили крепости на Днестре, чтобы не пропускать в море запорожские челны. Теперь угроза запорожской вольнице исходила от России, и запорожцы были настроены биться с москалями. Мазепа, который вел переговоры с Гордиенко, знал о настроениях запорожцев, и шведская армия передвинулась к югу в окрестности Полтавы отчасти и для того, чтобы на Сечи не опасались выступить против царя. 28 марта к шведам прибыл Гордиенко с 8000 казаков. Заключенный союз был подкреплен нападением сечевиков на небольшой отряд русских драгун, стоявший в местечке Переволочна — узлом впадения Ворсклы в полноводный Днепр. Овладев местечком, запорожцы перегнали вверх по Днепру, на север, все свои суда и поставили их на якорь рядами вдоль берега. Эти лодки, на которые разом можно было посадить 3000 человек, имели

для Карла гораздо большую ценность, чем вся запорожская конница. Мостов через Днепр не было, и если бы подошли войска Крассова и Станислава, то только на лодках они могли бы переправиться через быструю и широкую реку.

30 марта Гордиенко предстал перед королем с тем, чтобы заключить соглашение со шведами. Договор подписали Карл, Мазепа и Гордиенко. Король Швеции обещал не заключать мира с царем иначе как при условии, что Украина и Запорожье навеки освободятся от русского владычества. Помимо того, Карл обещал вся-

291

чески избегать разорения Украины и, как только позволит ход войны, вывести шведскую армию с украинской земли. Гетман и кошевой обязались воевать на стороне Карла и поднимать против царя казаков и всех украинских обывателей. По их призыву в шведский лагерь набежало около 15000 добровольцев, но большинство оказалось невооруженными крестьянами. Лишних мушкетов ни у Карла, ни у гетмана не было, и это пополнение не слишком усилило королевскую армию. Зато пуританской натуре Карла пришлось немало претерпеть от их присутствия, поскольку новобранцы навезли с собой женщин и вскоре «распутные потаскухи» заполнили шведский лагерь.

Однако, гораздо губительнее для Карла оказались итоги операции, которую Петр успешно провел спустя всего две недели после подписания договора шведов с запорожцами. В результате было сведено на нет главное преимущество, какое мог получить король от этого соглашения. Петр никогда не полагался на верность Гордиенко и всегда ожидал от него крамолы. Дабы пресечь ее, царь приказал полковнику Яковлеву погрузить в Киеве на суда 2000 солдат и спуститься по Днепру до Перево-лочны и далее до Запорожской Сечи. Пока Гордиенко и его сотоварищи гуляли в лагере Карла и вели переговоры с королем, Яковлев доплыл до Переволочны и разогнал бывших там казаков. Через несколько недель он добрался и до Сечи. Русские высадились на остров, который тогда был главным оплотом запорожцев, и разрушили до основания укрепленный городок (сечь). Множество сече-вой братии перебили, а взятых в плен казнили как изменников. Этот успех был значительным в нескольких отношениях. Во-первых, удалось нанести большой урон недавно еще грозному казачьему воинству; во-вторых, как и в случае с Батуриным, Петр показал, во что может обойтись союз с неприятелем. Это заставило многих казаков и вообще окраинных жителей призадуматься и присмиреть. Наконец, удачная операция на Днепре имела

292

и чисто военное значение. Захватив Переволочну и Сечь, солдаты Яковлева пожгли все казацкие лодки. Плавающий мост Карла через Днепр был разрушен одним ударом.

Хотя неприятель спалил средства переправы и запугал казаков, все это мало бы значило для Карла, сумей он достичь соглашения с куда более сильным союзником, ярим ненавистником Москвы, крымским ханом Девлет-Гиреем. Уже девять лет воинственный хан был связан перемирием, которое заключил с Петром в 1700 году его государь, турецкий султан. Но враждебность Девлет-Гирея к России нисколько не ослабла, и в то время, когда казалось, что армия Карла устремляется к Москве, хан настойчиво пытался склонить Оттоманскую Порту не упустить выгодный момент. Весной 1709 года хан получил приглашение от графа Пипера и направил в шведский лагерь двух мурз для ведения переговоров, результаты которых, однако, подлежали утверждению в Стамбуле. Хан выдвигал условие, чтобы Карл не заключал мира с Петром, пока тот не удовлетворит все требования Крыма равно, как и шведов. В других обстоятельствах Карл не стал бы даже обсуждать подобное обязательство. Однако армия его теряла силы, а желание покончить с Петром стало навязчивой идеей, и начало переговорам было положено. Но тут спелась весть о разорении Сечи и обеспокоенные татары поспешили в Крым, чтобы получить указания от хана.

В это же самое время и Карл, и Станислав обращались с предложениями о союзе непосредственно в Стамбул, к султану. Доводы их, по сути, повторяли доводы Девлет-Гирея: можно ли найти более благоприятный момент, чем ныне, когда закаленная

шведская армия находится в глубине России, чтобы свести на нет итоги Азовских походов Петра, вернуть Азов, сжечь причалы и флот в Таганроге, прогнать обратно за степи самонаде-

293

янного царя и восстановить «чистоту» Черного моря, которое вновь и навеки станет только турецким.

Петр не сомневался с том, что султана будут искушать подобными предложениями как дипломатического, так и военного свойства, и принял свои меры. В 1708 году Головкин направил царскому послу в Турции, хитроумному Петру Толстому, предписание всеми возможными средствами удерживать султана от союза со шведами. В начале 1709 года Толстой доносил, что великий визирь обещал: турки и сами будут соблюдать перемирие и не позволят выступить татарам. Но прошло немного времени, и в апреле из Крыма прибыли новые ханские посланцы, чтобы убедить турок поддержать шведского короля. Толстой пускался на всевозможные хитрости, лишь бы не дать этой миссии увенчаться успехом, повсюду заводил разговоры о крайне плачевном состоянии шведской армии, с одной стороны, и о том, что царский флот в Таганроге значительно усилен, с другой. Золото, всегда бывшее в чести при османском дворе, щедро раздавалось турецким сановникам и придворным. Мало того, Толстой пустил слух, конечно же ложный, будто Петр с Карлом вот-вот подпишут мир, а то даже что мир уже заключен и на днях будет оглашен, а сестра Петра, царевна Наталья, якобы выходит замуж за Карла и теперь будет королевой Швеции. По части хитросплетений Толстому не было равных, и его деятельность принесла плоды. В середине мая султан направил хану приказ, запрещающий татарам выступать на стороне шведов. Копия этой грамоты была вручена Толстому.

Несмотря на то, что, по оценкам Толстого, турки, во всяком случае в ближайшее время, не собирались нарушать перемирие, а изрядно потрепанная армия Карла оказалась в изоляции посреди степи, Петр не верил, что король откажется от мысли о наступлении. Но царь понимал и то, что теперь силы шведов слишком малы, чтобы нанести России сокрушительный удар, а следовательно, главной задачей Петра зимой и весной 1709 года

294

было помешать Карлу получить подкрепление. Еще в декабре царь выделил из состава основной армии немалые силы под командованием Гольца для ведения операций к западу от Киева вдоль польской границы. Их целью было пресекать любые попытки войск Крассова или Станислава соединиться с Карлом. Угроза, что шведов поддержат турки и татары, все-таки тоже продолжала существовать. Многочисленная татарская конница и турецкая пехота вместе с многоопытными шведскими батальонами представляли бы грозную силу. Поэтому требовалось убедить султана и великого визиря, что война с Россией не сулит им выгод. Более всего султана и Порту тревожил призрак русского флота. Чтобы продемонстрировать туркам свои возможности, а если те все же решатся развязать войну, то и нанести им удар, Петр решил подготовить корабли и к лету вывести их в Черное море.

Всю зиму Петр занимался своим флотом. В январе, когда Карл начал сдвигать армию на восток, Петр беспокоился, как бы король не прорвался к Воронежу и не сжег там — на радость султану — причалы и верфи. В феврале царь отправил в Воронеж Апраксину приказ готовить суда к отплытию вниз по Дону на соединение с флотом в Таганроге. Затем, рассылая по пути бесчисленные указы и наставления, он и сам поспешил в Воронеж. Заметим, однако, что Петр находил время и для совершенно иных дел. Так, он велел Апраксину прислать в Таганрог хорошего садовника с запасом семян и саженцев. Прослышав, что 11 марта ожидается солнечное затмение, он запросил у иноземных математиков в Москве расчеты точного времени и продолжительности затмения в Воронеже. Он успел даже прочесть переведенный на русский язык учебник по фортификации и отослал рукопись для переделки. В Белгороде он задержался на крестины новорожденного сына Меншикова, где был крестным отцом.

В Воронеже Петр убедился, что многие из старых судов уже прогнили и пришли в негодность, и приказал

295

разобрать их с тем, чтобы по возможности сохранить оснастку и материал. Царь снова

взял в руки инструмент и, вспомнив плотницкое ремесло, сам работал на верфи. Тяжелый физический труд помогал Петру отвлечься от выпавших на его долю за последний год забот и тревог. Чтобы поддержать его, в Воронеж прибыли Екатерина, его сестра Наталья и сын Алексей. Дважды отлучаясь из армии, его навещал Меншиков. В апреле, когда сошел лед, Петр поплыл вниз по Дону к Азову и Таганрогу, где стоял готовый к выходу в море флот. Но маневры были отложены из-за лихорадки, продержавшей Петра в постели с конца апреля до конца мая. К тому времени Толстой добился от султана заверения в том, что ни турки, ни татары не выступят против царя. Флот оставался в готовности, чтобы у турок не было поползновения нарушить это обещание, но Петр уже стремился вернуться к армии. 27 мая он наконец поправился настолько, чтобы тронуться в путь. В степи наступало лето, а вместе с ним и решающий час его противоборства с Карлом.